

П. К. Щебальский

Чтение из русской истории

(с исхода XVII века) Выпуск 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П. К. Щебальский**
Чтение из русской истории: (с исхода XVII века) Выпуск 2 / П. К. Щебальский –
М.: Книга по Требованию, 2021. – 178 с.

ISBN 978-5-518-07421-7

ISBN 978-5-518-07421-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ввести западный законъ относительно наслѣдства, онъ не имѣлъ успѣха; въ нынѣшнее время весьма часто случается, что отецъ, умирая, дѣлитъ имѣніе по ровну не только между сыновьями, но и между дочерьми своими, хотя по закону и слѣдуетъ имъ меньшая часть. Поэтому у насъ могли удержаться большія состоянія въ одной фамиліи только тогда, когда онѣ не размножались, когда отцовское имѣніе нераздѣльно переходило къ единственному сыну.

Кромѣ того, на западѣ всѣ эти графы и бароны имѣли нѣкоторыя права, — напримѣръ, быть совѣтниками короля или, какъ сказано уже, судить своихъ подданныхъ, управлять ими и водить ихъ на войну. Подобныхъ правъ у насъ никто не имѣлъ; господинъ могъ, правда, дѣлать разборку между своими людьми и взыскивать за ихъ проступки; онъ могъ, пожалуй, притѣснить, а иногда, можетъ быть, и убить своего крестьянина, но это уже было съ его стороны злоупотребленіе, преступленіе, за которое онъ могъ дать отвѣтъ Царю. Царь одинъ былъ господиномъ всей Россіи и всѣхъ Русскихъ; и передъ нимъ всѣ были равны, всѣ были его «слугами» или «рабами», и чья «служба» была больше, или по крайней мѣрѣ казалась такою, тотъ и былъ «честнѣе», то-есть почетнѣе. Конечно, сыну боярина, богача, князя было легче выслужиться; онъ начиналъ службу свою при дворѣ, съ малолѣтства приучался къ искусству удерживаться между сильными людьми, заводилъ съ ними связи и имѣлъ болѣе, нежели кто другой, вѣроятности быть бояриномъ, намѣстникомъ, начальникомъ какого нибудь приказа,

— но мы видѣли, что первымъ человекомъ при Царѣ Алексѣѣ, на примѣръ, былъ Матвѣевъ, а прежде его Морозовъ, Нащокинъ, — люди незнатные и небогатые. Также точно былъ при Царевнѣ Шакловитый, который смѣнилъ князя Хованскаго, почти соперничалъ въ ея милости съ княземъ Голицынымъ; также точно мы увидимъ, что и Петръ беретъ своихъ министровъ между людьми всѣхъ возможныхъ состояній; такъ дѣлали и его преемники; не порода, а служба возвеличивала. Начиная съ Петра, люди, отличавшіеся въ службѣ государевой, были дѣлаемы князьями, какъ потомки Рюрика и Владиміра, — чего почти никогда не бывало на западѣ: при извѣстномъ королѣ французскомъ, Людовикѣ XIV, былъ маршалъ изъ недворянскаго сословія; между тѣмъ онъ не только не былъ сравненъ съ знатными, титулованными фамиліями, но даже никогда не былъ сдѣланъ дворяниномъ.

Господство графовъ и бароновъ въ ихъ графствахъ и бароніяхъ мало по малу уничтожилось и уже лѣтъ двѣсти, какъ вовсе не существуетъ; но нѣкоторые слѣды его сохранились въ иныхъ странахъ, какъ на примѣръ въ Англіи. Тамъ, если лордъ и не имѣетъ права судить людей въ своихъ владѣніяхъ, чеканить монету и т. п., то вліяніе его на нихъ очень сильно, и при томъ онъ по одному своему имени, потому только, что онъ лордъ, получаетъ право подавать совѣты правительству, обсуживать его дѣйствія и участвовать въ законодательствѣ. И всякій лордъ имѣетъ подобныя же права, и всѣ они собираются вмѣстѣ для своихъ занятій, вмѣстѣ соображаютъ свои дѣйствія и такимъ образомъ

составляют особый разряд людей, или сословіе, — сословіе, которое называется аристократіей.

Такъ какъ у насъ не было людей съ такими наследственными правами, то можно сказать, что у насъ не было и аристократіи, хотя, конечно, у насъ были старинныя, знатныя фамиліи, въ теченіе многихъ вѣковъ постоянно игравшія роль въ ея исторіи; — Царь одинъ имѣлъ права въ Россіи; онъ же одинъ имѣлъ власть возвышать людей, избирать себѣ совѣтниковъ, и вотъ почему въ царствованіи Алексея Матвѣева становится рядомъ съ Одоевскими и Долгоруковыми, или даже выше ихъ, а при Царевѣ мѣсто Хованскаго занимаетъ Федька Шакловитый.

Вотъ до какихъ-серьезныхъ замѣчаній мы додумались, задавши себѣ, повидимому, не важный вопросъ; зададимъ другой. Голыцынъ былъ сосланъ, какъ государственный преступникъ; хорошо. Но почему же вмѣстѣ съ нимъ были отправлены его жена и дѣти, жена и дѣти его сыновей? Какое преступленіе могли сдѣлать эти женщины, эти младенцы?

Ихъ сослали не потому, чтобъ они были виноваты въ чемъ нибудь, а потому, что, по стариннымъ понятіямъ, вся семья представлялась чѣмъ-то нераздѣльнымъ, какъ вѣтви одного дерева, какъ лепестки одного цвѣтка. Въ теперешнее время совершенномолчній сынъ часто не живетъ въ домѣ своего отца, изъ числа родныхъ братьевъ одинъ имѣетъ такой образъ мыслей, тамія занятія, такія знакомства, а другой братъ совершенно иныя, и всѣ они могутъ думать и дѣлать совершенно иначе и водиться совсѣмъ съ другими людьми, нежели ихъ отецъ. Даже дачери,

которыя обыкновенно остаются до замужества въ отцовскомъ домѣ, могутъ понимать, думать и поступать не такъ, какъ ихъ родители, и выдѣ замужъ, не такъ, какъ ихъ мужья. Поэтому очень натурально, что братъ не отвѣчаетъ за брата, мать за дочь, жена за мужа; и если случается, что жена слѣдуетъ за мужемъ, когда постигаетъ его несчастіе, то это дѣлается добровольно и тѣмъ большагоза служиваетъ уваженія. Но въ старину это было совершенно иначе. Сыновья, не только совершеннолѣтніе, но даже женатые оставались въ домѣ отца; для нихъ обыкновенно строилось особое жильѣ, но на отцовскомъ дворѣ, и они, съ своими женами и дѣтьми, кормились и одѣвались на счетъ отца семейства, который съ своей стороны сохранялъ надъ ними, надъ ихъ женами и дѣтьми, которыя при томъ обыкновенно бывали его крестниками, полную власть и господство; его жена была хозяйкою всего дома, а ея невѣстки бывали только помощницами, или, въ небогатомъ быту, ея прислужницами. Только дочь, выходя замужъ, переставала быть членомъ семьи; отъ того и говорилось, что она «уходитъ въ чужіе люди», что она «отрѣзанный ломоть».

Такимъ образомъ нашу старину справедливо называютъ патриархальною; и точно, она имѣла все, что въ патриархальности есть хорошаго и дурнаго. Много было прекраснаго въ этой тѣсной связи, существовавшей между членами одной семьи, въ этой взаимной помощи, которую они другъ другу оказывали, въ тѣхъ связяхъ, которыя оставались между ними, когда, послѣ смерти отца семейства, члены его разсыпались въ разные сто-

роны и когда каждый изъ нихъ дѣлался въ свою очередь отцомъ и главою семьи; одинъ изъ нихъ, обыкновенно старшій братъ или мать-старуха, пока она еще осталась въ живыхъ, дѣлался центромъ этой разбредшейся семьи: въ день его именинъ, по случаю родинъ, крестинъ, похоронъ или свадьбы въ его домѣ, въ день его храмового праздника вся бывшая семья, да даже и все родство близкое и дальное, считало своимъ долгомъ его навѣстить, и ужь въ исполненіи этого долга, установленнаго незапамятнымъ обычаемъ, ничто не могло остановить, ни июльскіе жары, ни январскіе морозы; изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ родичи пускались въ путь на колесахъ или на полозьяхъ, цугомъ или гусемъ, пускались съ дѣтьми и челядинцами, на нѣсколькихъ подводахъ, съ запасомъ дорожнаго продовольствія, перинами и подушками.

И вотъ торжественный день наступалъ. Если это былъ храмовой и большой годовой праздникъ, церемоніаль открывался всенощною; хозяинъ самъ читалъ при этомъ псалтырь, пѣлъ вмѣстѣ съ дьячкомъ. На утро почетные родственники подходили къ нему и поздравляли, взаимно лобызаясь, а менѣе почетные родственники и дѣти цѣловали его руку, которая по большей части разверзалась при этомъ и дарила такъ называемую «копѣчку», то-есть какую нибудь болѣе или менѣе цѣнную монету, которая сверху прикрывалась настоящею конфѣйкой. И долго проживали такимъ образомъ родичи вмѣстѣ, иногда цѣлыя недѣли; ѣли, пили, охотились, говорили о своихъ дѣлахъ, давали другъ другу совѣты.

Такия отношенія поддерживали связи между родственниками, и какой-нибудь взычатый племянникъ не казался чужимъ человекомъ для своего дяди; онъ интересовался его судьбою, готовъ былъ помочь ему въ затруднительную минуту. Этому можно привести множество примѣровъ. Во время суда надъ Шако-витымъ и Голицынымъ, когда этого послѣдняго приговорили къ ссылке, кто навѣстятъ его и *осмысля* (потому что на это нужна была смѣлость!) даже провожать опаснаго, когда онъ отправлялся въ дальній путь? Его двоюродный братъ, Борисъ Голицынъ. Дѣтъ тридцать суетя одинъ изъ Долгоруковыхъ былъ замѣшанъ въ одно, очень важное дѣло; его однофамилецъ, даже не родственникъ, извѣстный намъ Яковъ Федоровичъ осмыслялся (опять—таки это требовало смѣлости!) холо-тайтствовать за него: «помилуй, всемилосердый госу-дарь, писалъ онъ Петру; да не снидемъ въ старости нашей во гробъ во имени рода злодѣевъ!» Апраксинъ сдѣлалъ еще лучше. Въ солдаты, какъ и въ матросы, поступали въ старину люди всѣхъ сословій, дворяне, также какъ холопы, и всѣ одинаково исполняли всякаго рода работы, копали землю, били свай и т. п. Увидѣвши разъ своихъ племянниковъ за такою рабо-тою, Апраксинъ — тогда генералъ—адмиралъ—сбросилъ съ себя мундиръ и самъ принялся тащить казатъ бабы: я де не лучше моихъ племянниковъ!

Все это поверилось о людяхъ болѣе или менѣе родо-витыхъ, но почти тоже можно сказать и о прочихъ; и если врестьянинъ не могъ, конечно, пускаться въ гости къ отдаленному своему родственнику, то

разспрашивалъ о немъ у прѣзжихъ, посылалъ ему поклоны и т. п. Вообще замѣтимъ, истати, что въ старину обычаи богатыхъ и знатныхъ людей были гораздо ближе къ обычаямъ престоународья, чѣмъ нынѣ, и между ними было больше связи, чѣмъ теперь. Очень не рѣдко, въ увеселеніяхъ господъ принимала участіе дворня и даже крестьяне; о святкахъ, напримѣръ, челядинцы «окручивались» то—есть костюмировались во что попало: мужчины въ женскія платья, женщины въ мужскія; кто надѣвалъ тулупъ на выворотъ, и волвызывалъ лняную бороду, кто одѣвался журавлемъ или медвѣдемъ. Старыя няни и мамы гадали о суженомъ для своихъ боярышени, лили имъ воскъ и олово, клали «мостокъ» подъ ихъ изголовье, смотрѣли въ зеркало и т. п.; сѣбныя дѣвушки пѣли подблюдныя пѣсни; хоронили золото, плясали, и все это не только въ господскихъ хоромахъ и въ присутствіи господъ, но вмѣстѣ съ господами.

Такова хорошая сторона нашего стариннаго быта; но было въ немъ очень много и дурнаго. Глава семейства былъ совершеннымъ деспотомъ своего семейства; онъ одинъ все рѣшалъ, все дѣлалъ; никто не имѣлъ своей воли кромѣ его; всѣ передъ нимъ безмолвствовали. Онъ рѣшалъ выдать ли дочь за жениха, который ее сваталъ; онъ женилъ сына на комъ считалъ приличнымъ, даже не помышляя, чтобъ стоило его спрашивать объ этомъ: «стерпится — слюбится», говорили наши прадѣды. И точно, мужъ и жена «стерпливались»; но чего это стоило тому изъ двухъ, кто былъ слабѣе! Говорятъ, былъ обычай класть подъ подушку

новобрачному плеть, посредствомъ которой молодой супругъ долженъ «учить» свою жену. Есть одна старинная книга, называемая «Домострой», въ которой написаны правила для семейной жизни; тамъ не только рекомендуется плеть, какъ прекрасное средство для управленія семействомъ, но даже полезно признается дубина. Обычай эти долго существовали у насъ и упрямо держались; не такъ давно еще оставило ихъ дворянство, а купечество, отчасти духовенство и все крестьянство держится ихъ и до сихъ поръ!

Меньше, конечно, но однакожъ много было насильственного и въ отношеніяхъ родственниковъ между собою: требовалось, на примѣръ, чтобъ внукъ почиталъ своего дѣда, племянникъ дядю; прекрасно; но это было бы еще прекраснѣе, если бъ этотъ дѣдъ или дядя дѣйствительно заслуживали уваженія. Тогда, впрочемъ, не нужно было бы и требовать: уваженіе само явилось бы.

Въ отношеніи челядинцевъ и крестьянъ, съ которыми господа ихъ какъ будто сближались подъ веселый часъ, надо замѣтить, что едва ли эти челядинцы очень веселились при подобныхъ случаяхъ; они должны были чувствовать, что ихъ позвали не веселиться, а веселить господъ своихъ, и если пѣсни ихъ были не довольно громки, пляски не довольно живы, баринъ могъ подождать ихъ.

Вотъ изнанка нашей старины, и къ ней едвали кто пожелаетъ воротиться. Мы теперь посѣщаемъ когонибудь потому, что намъ пріятно съ нимъ видѣться, а не потому, что мы къ этому принуждены; мы ува-

жаемъ человѣка, потому что онъ заслуживаетъ уваженія, а не потому, что онъ нашъ внучатный дѣдъ; прислуга не участвуетъ въ увеселеніяхъ своихъ господъ, но они не мѣшаютъ ей веселиться между собою; жена не боится мужниной плети, и тѣмъ отвроченнѣе, любовнѣе между ними отношенія; дѣти поцалуютъ руку своего отца тѣмъ охотнѣе, что она не возьметъ ихъ за волосы.

По поводу нашей старины можно еще замѣтить слѣдующее. Люди добываютъ свои познанія и понятія трудомъ и временемъ; каждый ремесленникъ, каждый фабрикантъ, каждый ученый вѣрно много потрудился прежде, нежели добился умѣнія хорошо справляться съ своимъ предметомъ; но за то уже достигши этого, онъ очень доволенъ собою; — да и всѣ имъ довольны. Вообразимъ себѣ, однакожь, что гдѣ нибудь нашелся человѣкъ, который между тѣмъ въ этомъ же самомъ ремеслѣ, или наукѣ, придумалъ что нибудь новое или еще лучшее, нежели тотъ, про котораго мы прежде говорили: съ удовольствіемъ ли онъ узнаетъ объ этомъ? Сомнительно, потому что въ нѣкоторыя лѣта уже тяжело и неприятно переучиваться. Чтожь за бѣда, скажемъ мы: мы будемъ дѣлать заказы, мы станемъ учиться у новаго фабриканта, у новаго ученаго, и оставимъ стараго, если онъ все будетъ продолжать дѣлать по старому, не обращая вниманія на новыя усовершенствованія. Казалось бы, что такъ слѣдуетъ и сдѣлать; но что, если старый промышленникъ или ученый не позволитъ вамъ идти къ молодому?..

А между тѣмъ это было почти такъ въ старинной

Руси. Тамъ молодой человекъ не смѣлъ бы, напримеръ, сказать, что мужу не годится бить свою жену, что нѣтъ никакой бѣды брить бороду, что въ чужихъ краяхъ есть обычаи и законы не хуже нашихъ. Онъ не смѣлъ бы этого сдѣлать, потому что старики осудили бы его, а старики выросли въ тѣхъ понятіяхъ, что жена должна быть бита, что борода есть священное украшеніе человека, что всѣ иностранцы — поганые еретики и бусурманы. Все дѣлалось у насъ «по старинѣ»; и государствомъ управлялось по старинѣ, и семейная жизнь была по старинѣ, и земледѣліе, и торговля, и военное дѣло — все по старинѣ; отступаться отъ старины казалось преступленіемъ; только старое и старинное казалось хорошимъ, мудрымъ, священнымъ. Конечно, старину и старость надо уважать, но отвергать новое только потому, что оно нарушаетъ старину, — значить вѣкъ вѣковъ дѣлать одно и то же, — и вотъ именно то потому, что Россія слишкомъ уже поклонялась своей старинѣ, между тѣмъ какъ въ другихъ странахъ жизнь кипѣла и одно изобрѣтеніе вызывало другое, мы и очутились далеко отставшими отъ нашихъ западныхъ братьевъ, Англичанъ, Голландцевъ, Французовъ и Нѣмцевъ.
